

Когда у меня набралось сотни двѣ, я наскочилъ на Кисловодскъ.

Вотъ то мы поживились и оружіемъ и снаряженіемъ и прочимъ добромъ.

Черезъ нѣкоторое время ко мнѣ присоединился Лабинскій отрядъ подьесаула Солodkaго и скоро у меня получился отрядъ въ 10 тысячъ человѣкъ.

Тутъ ужъ я обнаглѣлъ и рѣшилъ прорваться къ добровольческой арміи черезъ Ставропольскую губернію.

Подошелъ къ Ставрополю и послалъ телеграмму, чтобы городъ сдался иначе разгромлю.

Сдали дураки, а у меня и пушекъ порядочныхъ не было, все больше деревянные для „психологіи“.

Оборонялъ Ставрополь мѣсяць, а потомъ, передавъ оборону его полковнику Улагаю съ 4-мя сотнями прорвался въ Баталпашинскій Отдѣлъ и вскорѣ тамъ сформировалъ 7 казачьихъ полковъ, 4 горскихъ и бригаду пластуновъ и тутъ уже у меня получился фронтъ на 220 верстъ, который держалъ 2½ мѣсяца, т. е. до соединенія съ добровольческой арміей.

Патроны сами набивали, а дѣйствовали все больше шапками.

Большевики, по правдѣ говоря, бояться меня стали, а бабѣ такъ прямо чудеса стало рассказывать обо мнѣ.

— Разстегнулъ это, говоритъ, Шкуро черкеску, а пули изъ-подъ нее такъ и посыпались. Не беретъ его пуля, потому онъ слово такое знаетъ.— Понятно я не сталъ разувѣрять ихъ.

Да-съ повоевали. Всю Кубань, можно сказать, на брюхѣ исползали.

Все это Андрей Григорьевичъ рассказываетъ спокойно и просто, безъ всякой рисовки.

Къ нашему столу подходитъ какой то молодой офицеръ.

— Ваше превосходительство, примите меня къ себѣ въ дивизию.

— А въ Бога вѣруете?

— Вѣрую.

— И въ церковь ходите?

— Хожу.

— Дуйте въ какой хотите полкъ и сотню тамъ запишутъ, а потомъ я оформлю.

Офицеръ, радостно улыбаясь, уходитъ. Улыбается и генераль.

Ник. Туземцевъ.

Калмыки и большевики.

Въ безпримѣрной гражданской войнѣ на Дону, когда рушились всѣ лучшія достижения общественности, культуры, когда группа предателей-сыновъ святотатственно съ оружіемъ въ рукахъ стала противъ стараго отца, Тихаго Дона, вмѣстѣ съ лучшими сынами и въ защиту его поднялись и донскіе калмыки-казаки. Ставъ съ начала борьбы съ совѣтскими завоевателями, калмыки на всѣхъ почти фронтахъ бьются до-нынѣ.

Ихъ мы видѣли въ походѣ на Ростовъ, они были среди Чернецовскихъ партизанъ.

Но особенно видное участіе казаковъ-калмыковъ было въ знаменитомъ степномъ походѣ. Возстала сѣдая старина на степяхъ нашихъ родныхъ: не сѣдая ковыль расходилась въ степи и не заяцъ степной пролеталъ съ кургашка на кургашекъ, то шли войной казачьи сотни и мелькали одновокіе всадники...

Пробившись черезъ большевистскія цѣпи, явились въ распоряженіе походнаго атамана ген. Попова—двѣ съ половиной сотни калмыковъ Платовской станицы съ 2-мя хорунжими Бориновымъ и Борманжиновымъ. По мѣрѣ возможности пробирались и присоединялись къ отряду походнаго атамана и отдѣльные всадники—калмыки.

Нести бремя боевой жизни имъ было не привыкать—передъ ними былъ опытъ русско-японской и мировой войнъ.

Мирная доселѣ степь стала свидѣтельницей и ареной кровавыхъ схватокъ и событій.

Всюду бродили и шныряли вооруженные люди.

Платовская станица (Ики бурлъ) въ мартѣ впервые и болѣе всего испытала ужасы большевистскаго режима. Разстрѣливались десятки, сотни мирныхъ людей безъ различія пола, возраста.

Страсти взаимно разгорались. Калмыцкое духовенство разбѣжалось; хурулъ былъ разграбленъ, святини поруганы и главный храмъ сожженъ.

Отрядъ походнаго атамана пробирался на востокъ, не соприкасаясь съ калмыцкими станицами. Казаки многихъ станицъ рвались къ атаману Попову, но безоружные, со всѣхъ сторонъ окруженные большевиками, не могли обратиться къ отрядамъ партизанъ. И калмыцкимъ станицамъ съ тяжелымъ сердцемъ пришлось мириться съ большевиками, приспособляться къ небывалому режиму, „соціалистическому“, къ новымъ господамъ.

Прощай свобода, прощай самоопредѣленіе!..

Съ восточной окраины Сальскаго округа навстрѣчу походному атаману пробирался съ тремястами казачьихъ калмыковъ бывшій членъ Войскаго Правительства перваго состава, хорунжій Абуша Алексѣевъ. Въ маленькомъ отрядѣ походнаго атамана 500 слишкомъ конныхъ казаковъ калмыковъ, прекрасно знающихъ степь и съ усилкомъ разбѣгающихся на ней и днемъ и ночью—была серьезная помощь. Они были распределены въ различныхъ отрядахъ подѣ начальствомъ Э. Ф. Семилѣтова, полковника Г. Д. Каргазскаго, Ф. Д. Назарова и др. Всѣ знаютъ, что за отряды были они: они памяты всѣмъ врагамъ.

Калмыковъ, какъ боевыхъ единицъ, совѣтскіе солдаты узнали отлично и не безъ основанія считали и считаютъ за злѣйшихъ враговъ своихъ. Они принимали дѣятельное участіе во всѣхъ крупныхъ и мелкихъ стычкахъ на западномъ, восточномъ и верхнемъ запасахъ Сальскаго округа на юртахъ Граббевской, Бурульской, Эркетинской станицъ, на переправахъ черезъ Саль и т. д.

По словамъ бывшаго начальника штаба походнаго атамана генерала В. И. Сидорина, казаки-калмыки играли выдающуюся роль въ отрядѣ атамана.

Дѣла въ районѣ Нижне-Чирской станицы (адѣсь убитъ казакъ Граббевской станицы Мордаль Абушиновъ, лихой наѣздникъ и незамѣнимый развѣдчикъ), взятіе Александровска-Грушевскаго проходили не безъ участія калмыковъ.

Когда началась организація Донской арміи, изъ калмыковъ-партизанъ былъ образованъ особый полкъ подѣ названіемъ „Зюнгарскій“.

Это было въ іюнѣ м-цѣ с. г. Въ маѣ, іюнѣ, помимо указанныхъ выше калмыковъ, началось возстаніе въ другихъ станицахъ. Полуивъ оружіе у большевиковъ, 200 казаковъ Ново-Алексѣевской станицы присоединились къ казачьимъ противобольшевистскимъ отрядамъ. Появились 2 сотни Денисовскихъ казаковъ, 1 сотня Иловайскихъ, 1 сотня Кутейниковскихъ, сотня Башлаевскихъ, Власовскихъ.

Во главѣ этихъ сотенъ стояли есаулъ Г. Тепкинъ, есаулъ И. Сельдиновъ, подьесаулъ Шарманжиновъ нѣсколько хорунжихъ.

Въ началѣ мая черезъ большевистскія цѣпи изъ Ново-Алексѣевской станицы пробился въ ст. Константиновскую хорунжій В. Абушиновъ съ однимъ казакомъ—С. Шарановымъ.

Въ дѣйствіяхъ противъ Орловки, Мартыновки прославился хор. Б. Мусовъ, позже убитый на Куберле. Къ концу лѣта противъ большевиковъ принимало участіе почти 3 полка донскихъ калмыковъ. Боевой репутацией особенно пользуется Зюнгарскій полкъ, гдѣ еще жива память старинныхъ партизанъ ген. Семилѣтова, Назарова и др., гдѣ почетной славой пользуется ген. Сидоринъ. Трудно въ краткой статьѣ написать все о дѣлахъ боевыхъ донскихъ калмыковъ. Достаточно указать, что за нѣсколько мѣсяцевъ борьбы робкій и миролюбивый калмыкъ обратился въ отважнаго воина, довольно равнодушнаго къ дѣйствіямъ всѣхъ ужасныхъ орудій человѣческаго истребленія. И впервые, б. м., за всю свою исторію калмыцкій народъ въ лицѣ Донскихъ калмыковъ-казаковъ съ оружіемъ въ рукахъ возсталъ противъ политическаго рабства, насилія надъ личностью и гражданиномъ, за честь его, свободу и жизнь, противъ беззаконія, произвола...

Немного донскихъ калмыковъ, много погубило ихъ, но вкладъ въ борьбу за свободу Дона и Россіи они сдѣлали, а пролитая кровь не останется безплодной.

И въ созданіи величаваго зданія будущей единой, свободной, мощной и демократической Россіи не одинъ кирпичъ заложенъ и закорючальными руками Донскаго калмыка.

Б. Улановъ.